

КОНЦЕПТ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Королева Ксения Юрьевна,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
кандидат философских наук, доцент,
Белгород, Россия

Аннотация

В статье раскрываются теоретические и практические аспекты применения концепта толерантности в сфере социальной работы. Социальная работа как отрасль деятельности обеспечивает связь между различными социальными группами, способствует интеграции общества.

Ключевые слова:

толерантность, социальная работа, социальный институт, социально незащищенные группы населения.

Равный, свободный доступ граждан к социальному обслуживанию вне зависимости от их пола, расы, возраста, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений и принадлежности к общественным объединениям является основополагающим принципом реализации социального обслуживания [3]. Потенциальные клиенты социальных служб находятся в социально опасном, нестабильном по сравнению с другими социальными субъектами положении. С одной стороны, объективные условия жизни, ограниченные социальные и экономические ресурсы, незнание основ законодательства, способов решения своей жизненной проблемы не позволяют им самостоятельно справиться с возникшими трудностями, с другой стороны, жесткая регламентация и бюрократизация процедур получения социальной поддержки изначально ставят их в зависимое от работников социальных служб положение.

В статье 3 Декларации принципов толерантности Юнеско говорится о том, что «особое внимание следует уделять социально наименее защищенным группам, находящимся в неблагоприятных социальных или экономических условиях, с тем, чтобы предоставить им правовую и социальную защиту, в частности в отношении жилья, занятости и охраны здоровья, обеспечить уважение самобытности их культуры и ценностей и содействовать, в особенности по-

средством образования, их социальному и профессиональному росту и интеграции» [1]. В этих условиях профессиональная компетентность, личностные качества социальных работников и служащих учреждений социальной защиты и социального обслуживания, прежде всего, их ориентация на благо другого, уважение права быть иным, отсутствие оценочного подхода во взаимоотношениях с клиентами, ориентация на полноценное партнерство («вместе против проблем») становятся неотъемлемой частью системы социальной работы. Именно поэтому исследования феномена толерантности применительно к сфере социальной работы приобретают особую остроту и практическую значимость.

Толерантность представляет собой многогранный социальный и культурный феномен, структурные и ценностно-смысловые компоненты которого формируются и трансформируются под влиянием конкретных исторических, социально-экономических и политических условий. Этимологический анализ слова в разных языках позволяет подчеркнуть культурно обусловленные нюансы интерпретации: от принятия другого образа мыслей и действий до снисхождения (подразумевающего доминирование позиции), от способностей терпеть, мириться с чем-либо, быть выдержанным, до сострадания и милосердия, предполагающих отнюдь не дистанцирование, а скорее «переживание»

Конференц-зал

состояния другого и сочувствие. Вызовы современности, характеризующиеся обострением вопросов глобального экономического неравенства, ожесточением борьбы за сферы влияния и ресурсы, интенсивными миграционными потоками, провоцируют новые очаги социальной напряженности, экстремизма в широком смысле слова и порождают новые социальные проблемы, которые люди не могут решить без внешней помощи. Они показывают нам, как далеки декларативные призывы к проявлению толерантности от реальных условий жизнедеятельности и насколько разнятся смыслы, вкладываемые участниками социальных взаимодействий, в данный термин.

Все это в очередной раз подталкивает ученых и политиков к переосмыслению идей уважения человеческого достоинства, социальной ответственности, открытости, к конвенциональному принятию и институционализации принципов толерантности на различных уровнях. Динамично меняющаяся социальная реальность не позволяет выработать общую концептуальную модель толерантности, по-прежнему можно наблюдать две основные стратегии изучения толерантности: *как поведенческой диспозиции* – активный диалог, горизонтальные солидарности, понимание и принятие многообразия, как свобода самовыражения и действия, как воспитание умения жить в согласии с собой и другими, и *как гарантированного правопорядка* – ценность и норма гражданского общества, право быть иным, проявление активной гражданской позиции (цивильности) как уважения и нацеленность на предотвращение конфликтов [11]. Объединяющей идеей для обеих стратегий исследования является понимание того, что толерантность как социокультурный феномен предполагает наличие в обществе согласованного идейного и ценностно-нормативного ядра – «доминирующего культурного кода», применяя терминологию П. Бурдьё, символической системы координат действия, которая обеспечивает непротиворечивость институциональных ценностей, лежащих в основе деятельности различных социальных институтов общества. Именно эта символическая система позволяет социальным субъектам находить легитимные с точки зрения формальных и неформальных норм способы до-

стигать свои цели, не нарушая права и не ограничивая своим поведением свободу других людей.

В процессе повседневной активности индивиды на основе знаний, опыта, интуиции переживают окружающий мир, культуру, и этот редуцированный в сознании, сконструированный интересубъективный мир является основой для взаимного понимания, взаимодействия индивидов [15]. Связь между социальными институтами и легитимирующей символической системой конструирует институциональный порядок посредством когнитивно-нормативного комплекса – упорядоченной совокупности всех индивидуальных знаний об окружающей действительности, правил, ценностей, установок, верований, способствует его сохранению и трансляции, через подтверждение в символах и деятельности [5]. Символическая матрица значений накладывается на индивидуальные представления и практики в процессе интернализации – усвоения, объективирования социального опыта, и результируется в формировании типизированной ролевой системы. В процессе индивидуальной деятельности через взаимодействие с социальной средой формируется субъективная реальность – база построения социальной идентичности, которая, в конечном счете, и задает координаты социальной активности индивида, определяет его адаптивные возможности и жизненные стратегии, отношения с другими [5].

Реальность плюралистична, т. е. одновременно сосуществуют несколько символических подсистем, и в открытом обществе индивид сам выбирает «поле» своей игры, имея возможность регулировать степень оказываемого на него давления. Отечественные и зарубежные исследования показывают, чем стабильнее и благополучнее общество в социально-экономических аспектах, тем сильнее желание поддерживать существующий баланс интересов, избегать конфликтов. Справедливы и обратные тенденции: отсутствие разделяемого большинством ценностного ядра, четких и понятных всем правил игры приводит к росту нетерпимости [7; 11; 12; 14]. Вариативность ценностно-нормативных систем в российском обществе, как справедливо отмечают многие исследователи, во многом является следствием радикальных социально-

Конференц-зал

экономических и политических трансформаций 90-х годов и последующего кризисного реформирования: изменение социальных групп, распад традиционных каналов социальной мобильности, нарастание имущественной дифференциации, модификация оснований выстраивания собственной идентичности привели к разрушению привычных социальных связей и отношений, нивелированию культурных ценностей солидарности. Социальные конфликты современности, являющиеся отголосками системного кризиса, вызваны дезинтеграцией российского общества, характеризуются размыванием ценностных ориентиров и тотальным падением доверия общественным институтам.

Успешное функционирование социальных институтов, уровень их развития находится в прямой зависимости от наличия ресурсов. Низкий уровень доверия в российском обществе приводит к затруднению координации использования ограниченных ресурсов и ведет уже к снижению уровня материального благосостояния граждан. Аномия делает затруднительными поиски компромиссов, среди поведенческих диспозиций доминируют враждебность и агрессия, нетерпимость, а толерантность скорее нехарактерна для россиян [6; 8; 9; 10; 13; 14]. В этих условиях отрасль социальной работы обретает значимость социального посредника (медиатора) между различными социальными субъектами – индивидами и социальными группами, помогая находить точки соприкосновения интересов, развивая экономические и социальные практики общественной солидарности, способствуя удовлетворению базовых потребностей и решая наиболее острые проблемы – проблемы неравенства.

Толерантность в сфере социальной работы обретает как формы гарантированного правопорядка, основанные на реализации международных нормативно-правовых актов о правах человека, так и проявляется на уровне поведенческих диспозиций субъектов социальной работы. Так Конституция Российской Федерации говорит о том, что в нашей стране право человека на жизнь реализуется через ряд мер по охране здоровья и труда, государственную поддержку семьи и детства, социально уязвимых категорий граждан и лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию. В данном ключе толерантность вы-

ступает имманентным свойством социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (Статья 7, п. 1)» [2]. Формирование идеи общества всеобщего благосостояния, изменение требований к качеству жизни тесно связаны с уровнем развития технологий и общества. Очевидно, что субъективные и объективные показатели оценки жизненных условий меняются в зависимости от конкретных исторических условий. Стандарты социального обслуживания постоянно дорабатываются и уточняются с учетом изменения образов приемлемого, как минимально необходимого, и желаемого, как оптимального с точки зрения удовлетворения индивидуальных потребностей, уровня жизни. Создание гармоничного солидарного сообщества возможно только там, где предоставляются равные стартовые возможности для всех граждан, и социальные гарантии дают свободу от нищеты. Именно эти условия и должна в идеале обеспечить система социальной защиты.

Равенство условий доступа к социальным услугам является важной характеристикой эффективности системы социальной защиты, «социальное обслуживание основывается на соблюдении прав человека и уважении достоинства личности, носит гуманный характер и не допускает унижения чести и достоинства человека» [3]. Однако ограниченные ресурсы не позволяют реализовывать заявленные меры социальной защиты в полной мере, применение декларируемых принципов на практике натывается на барьеры субъективного характера.

Практики взаимодействия клиентов и специалистов социальных служб являются отражением существующих социальных отношений, структурных и институциональных конфликтов социума. Признание и принятие разнообразия образов жизни легко дается на бумаге, но не в жизни. Тяжело отстраниться от этической оценки различных жизненных укладов и ориентаций с точки зрения их «правильности» и «неправильности», соответствия и несоответствия образов жизни доминирующей картине мира, особенно, когда приходится иметь дело с различными формами девиантного и делинквентного поведения. Внешнее принятие и сдержанность

Конференц-зал

в общении с клиентами при внутреннем неприятии ситуации оборачиваются проблемами профессионального выгорания. Доминирование предвзятого отношения ставит вопрос о том, достоин ли помощи обращающийся, и ущемляет его права на получение помощи. В условиях незавершенности стандартизации и разработки регламентов оказания социальных услуг это становится серьезной проблемой. Влияние роли социальных работников – «субъективного фактора» на реализацию мер социальной защиты достаточно велико, именно они несут ответственность за принятие решения о назначении. Профессионально-этический кодекс социального работника России закрепляет этические обязательства не практиковать любые формы дискриминации, основанной на национальности, сексуальных отношениях, возрасте, вероисповедании, семейном статусе, политической ориентации, умственных или физических недостатках, привилегиях, персональных характеристиках. Более того, профессиональная цель социальной работы – бороться с такой дискриминацией всеми доступными средствами [4]. Но отечественные исследования рынка социальных услуг показывают, что доступность различных видов социальной поддержки, в существенной степени зависит от включенности в социальные сети (начиная с личных знакомств) нежели от формальных регуляций. В результате значительная часть потенциальных клиентов социальных служб склонна воспринимать социальных работников не как источник помощи, а скорее как препятствие на пути к ее получению.

Преодолеть возможное негативное влияние субъективных факторов в социальной работе способна формализация процедур контроля оказания услуг (оценка не процессов осуществления поддержки, а изменения личной ситуации клиента), а также прозрачность критериев оценки обстоятельств и степени нуждаемости в различных видах социальной поддержки, которые являются основанием для оказания либо отказа в услугах.

Еще одна возможность состоит в развитии социальных сетей и горизонтальной кооперации в решении проблем социально уязвимых категорий граждан. Мы уже наблюдаем постепенный отказ от доминирования государства в системе социальной защиты населения во всех ее формах

(социальная помощь, социальное обеспечение, социальное страхование) в направлении диверсификации субъектов с передачей полномочий многочисленным негосударственным, общественным, частным, добровольческим образованиям. Подобная тенденция характерна для всех стран и объясняется тем, что неформальные сети гибче и динамичнее реагируют на разнообразные и зачастую специфичные социальные противоречия, по сравнению с формальными государственными структурами, а также расширяют возможности индивидуального выбора стратегии преодоления кризисных ситуаций. С одной стороны включенность в разветвленные горизонтальные связи и кооперация, активная гражданская позиция, волонтерская деятельность расширяют доступ граждан к различным ресурсам, увеличивают их конвертацию, с другой, запускаются механизмы взаимозависимости на уровне повседневных практик, которые побуждают людей действовать согласованно [9]. И в этом контексте толерантность выступает уже не как ценность или добродетель, но как способ выстраивания социальных отношений [12, с. 98–112] и обретает конкретное практическое значение в сфере социальной работы. Оказание добровольной, бескорыстной и безвозмездной помощи другим людям является практикой солидарности и содействует формированию толерантного отношения к проявлениям отличительного. Таким образом, общественные, волонтерские организации, действующие в сфере социальной работы, решают как непосредственные задачи по оказанию необходимой помощи нуждающимся в ней людям, так и содействуют интеграции общества.

1. Декларации принципов толерантности Юнеско (принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года) [Электронный ресурс] // Сайт Юнеско. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

2. Конституция РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/>.

3. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Российской Газеты. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/socialka-dok.html>.

4. Профессионально-этический кодекс социального работника России. [Электронный ресурс] URL: <http://belsoc.narod.ru/socrab.html>.

Конференц-зал

5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
6. Галкин А.А., Красин Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 64–74.
7. Могилевич Б.Р. Толерантность в контексте межкультурной коммуникации // Психология и экономика. 2009. Т. 2. № 2. С. 129–131.
8. Победа Н.А. Толерантность: содержательные смыслы и социологическая интерпретация // Социологические исследования, 2007. № 6. С. 13–28.
9. Сикорская Л.Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 52–58.
10. Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 54–63.
11. Хабермас, Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий / Ю. Хабермас // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 45–53.
12. Хомяков, М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии, социальной антропологии. 2003. Том. IV. № 4, С. 98–112.
13. Шереги Ф.Э. Этническая и религиозная толерантность молодежи // Мониторинг общественного мнения № 4 (98). Март-апрель 2010. С. 20–39.
14. Шипилов А.В. Демократия и толерантность // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 38–44.
15. Щюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994., С. 481–496.
1. Deklaracii principov tolerantnosti Yunesko (prinyata rezolyuciej 5.61 General'noj konferencii YuNESKO ot 16 noyabrya 1995 goda) [E'lektronnyj resurs] // Sajt Yunesko. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.
2. Konstituciya RF [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.constitution.ru/>.
3. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 28 dekabrya 2013 g. N 442-FZ «Ob osnovax social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii» [E'lektronnyj resurs] // Sajt Rossijskoj Gazety. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/socialkaldok.html>.
4. Professional'no-e'ticheskij kodeks social'nogo rabotnika Rossii. [E'lektronnyj resurs] URL: <http://belsoc.narod.ru/socrab.html>.
5. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.
6. Galkin A.A., Krasin Yu.A. Kul'tura tolerantnosti pered vyzovami globalizacii // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. № 8. С. 64–74.
7. Mogilevich B.R. Tolerantnost' v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii // Psixologiya i e'konomika. 2009. T. 2. № 2. S. 129–131.
8. Pobeda N.A. Tolerantnost': sodержatel'nye smysly i sociologicheskaya interpretaciya Sociologicheskie issledovaniya, 2007. № 6. С. 13–28.
9. Sikorskaya L.E. Tolerantnost' v predstavleniyax molodyx rossijskix i nemeckix volonterov social'noj raboty // Sociologicheskie issledovaniya. 2007. № 9. С. 52–58.
10. Sokolov V.M. Tolerantnost': sostoyanie i tendencii // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. № 8. S. 54–63.
11. Xabermas, Yu. Kogda my dolzhny byt' tolerantnymi? O konkurencii videnij mira, cennostej i teorij / Yu. Xabermas // Sociologicheskie issledovaniya. 2006. № 1. S. 45–53.
12. Xomyakov, M.B. Tolerantnost': paradoksal'naya cennost' // Zhurnal sociologii, social'noj antropologii. 2003. Tom. IV. № 4, S. 98–112.
13. Sheregi F.E'. E'tnicheskaya i religioznaya tolerantnost' molodezhi // Monitoring obshhestvennogo mneniya № 4 (98). Mart-aprel' 2010. S. 20–39.
14. Shipilov A.V. Demokratiya i tolerantnost' // Sociologicheskie issledovaniya. 2005. № 3. S. 38–44.
15. Shhyuc A. Formirovanie ponyatiya i teorii v obshhestvennyx naukax // Amerikanskaya sociologicheskaya mysl': Teksty / Pod red. V.I. Dobren'kova. M.: Izd-vo MGU, 1994., S. 481–496.

TOLERANCE CONCEPT IMPLEMENTATION AT THEORY AND PRACTICE OF SOCIAL WORK

Korolyova Ksenia Yurievna,

Belgorod State National Research University,
Ph. D., associate professor of the social work department,
Belgorod, Russia

Annotation

The article discusses the theoretical and practical aspects of tolerance concept implementation in the field of social work. Social work provides cooperation and contributes to the confidence between different social groups.

Key words:

tolerance, social work, social institution, vulnerable social groups.
